УДК 553.04

И.Г.Ребещенкова

О СООТНОШЕНИИ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНОГО И ФИЛОСОФСКОГО МЕТОДОВ ОСМЫСЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ (КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЗИЦИИ А.А.БОГДАНОВА)

В связи с проблемой соотношения естественно-научного и философского подходов к человеческому познанию критически анализируются теоретико-познавательные взгляды А.А.Богданова и его полемика с Н.А.Бердяевым.

С учетом особенностей современного состояния гносеологии обосновывается необходимость дальнейшей разработки ее методологии.

The problem of relation between natural scientific and philosophical approachs to human knowledge is considerated in the article. In the connection with it Bogdanov's epistemological position and his polemics with Berdjev are critical analysed.

With consideration of peculiarity of modern state of epistemology urgensy of further elaboration of its methodology is substantiated.

Человеческое познание традиционно было сферой исследовательских интересов философов. Однако современная теория познания, содержащая "мозаичный", многомерный образ своего объекта, носит явно выраженный междисциплинарный характер. Анализ природных, социальных, логических, психологических, экзистенциальных и других граней познания составляет теоретическую базу для развития и оформления относительно самостоятельных и одновременно взаимосвязанных между собой разделов гносеологии: биологии познания, социологии познания, психологии познания, логики познания и др.

Активное и широкое использование в последнее время конкретно-научных методов, в том числе методов естественных наук, для осмысления познавательной деятельности человека вызывает повышенное внимание к методологическим проблемам гносеологии. Важнейшими среди них и одновременно дискуссионными являются проблемы принципиальной

применимости естественно-научных методов в этой области, определения границ этой применимости, соотношения естественно-научных и философских подходов, а также вопрос о специфике познавательной деятельности человека как объекта теории познания. Как известно, в любой теории объект и методы его исследования взаимно обусловливают друг друга.

Сформулированные проблемы, в числе остальных методологических проблем гносеологии, неоднократно рассматривались в истории науки и философии. Одной из заметных попыток их решения, заслуживающих и сейчас внимания философов и ученых, предстает совокупность теоретико-познавательных взглядов А.А.Богданова, сформулированных им на рубеже XIX-XX вв. [2-6].

А.А.Богданов известен в научных и философских кругах как экономист, психолог, социолог, биолог, математик, врач, мыслитель, предвосхитивший, в частности, в своем труде "Тектология" (1913-1928) основные идеи системного анализа. В значительно меньшей степени известна и проанализирована его позиция относительно сущности и своеобразия познавательной деятельности человека. Хотя взгляды Богданова на познание и не носили бесспорного характера (об этом свидетельствует, например, его полемика с жестко критиковавшим его позицию Н.А.Бердяевым [1, 4]), тем не менее они важны для современного понимания исходных методологических позиций гносеологии.

Принципиальность указанных методологических проблем не означало для Богданова и не означает для современных исследователей, что их решение является самоцелью. Оно, это решение - лишь необходимое предварительное условие изучения различных, в том числе и природных, граней человеческого познания.

Обращаясь к воззрениям Богданова на познание, нетрудно заметить, что, поскольку эти воззрения носят одновременно естественно-научный и философский характер, они имеют определенные теоретические, соответственно конкретно-научные (в значительной степени естественно-научные) и философские предпосылки.

Конкретно-научные предпосылки включают в себя, во-первых, комплекс физических понятий и законов (например, понятие энергии, закон сохранения и превращения энергии); во-вторых, натурфилософские представления (энергетизм В.Оствальда); в-третьих, биологические идеи и теории (главным образом, теорию эволюции Ч.Дарвина, взгляды на эволюцию Г.Спенсера, Р.Авенариуса); в-четвертых, психологические теории (идеи ассоциативной психологии, психофизики

Г.Фехнера, психологии бессознательного, психофизиологии). Собственно философские предпосылки теории познания Богданова составили гносеология И.Канта и его последователей, особенно эмпириокритицизм Р.Авенариуса, диалектика Гегеля, философия жизни и позитивизм.

Во всей богатой совокупности исходных для Богданова идей и теорий особое место занимал эмпириокритицизм Э.Маха и Р.Авенариуса. В эмпириокритицизме Богданова приклекли принципиальная установка на критику всего человеческого познания с точки зрения опыта и вместе с тем критика самого этого опыта, а также использование его представителями эволюционной идеи для анализа познания. Он подчеркнул то, что сама эта идея возникла не в эмпириокритицизме, а в рамках эволюционного мышления более ранних философов и ученых, но именно в работах представителей этой школы она стала базисом для последовательной критики познания.

Эмпириокритический подход ценен, полагал Богданов, своей методологией, в которой слиты воедино три основных направления исследования познания: критический, эволюционный, позитивный. Кроме того, по мнению Богданова, именно в работах Э.Маха и Р.Авенариуса представлена цельная и однородная картина критически-эволюционной теории познания.

Существенным в эмпириокритицизме для Богданова оказалось стремление его представителей обосновать действительность человеческого познания и его результатов путем преодоления искусственно созданного Кантом разрыва субъекта и объекта, дуализма субъективного (внутреннего, идеального) и объективного (внешнего, материального) миров. Доказательство тождества этих миров и, следовательно, утверждение монизма (в том числе и монизма опыта) Богданов, будучи приверженцем этой теории, воспринял как свою собственную цель. Он назвал свою теорию эмпириомонизмом.

Итак, первое, что обращает на себя внимание в работах Богданова, - это то, что он отчетливо формулирует проблему метода изучения совокупности явлений, составляющих человеческое познание (а вместе в ним и сознание, психику), а также активные попытки найти этот метод.

Так, уже в самой ранней из привлекающих наше внимание работ [2] предпринята попытка установить специфику исследования того, что он назвал "психической системой", как "высшей формы приспособления". Говоря о своеобразии этой системы в ряду жизненных явлений, Богданов подчеркивал не только недостаточность, но и неприменимость для ее изучения обычных биологических методов в их непосредственной форме. По его мнению, необходимы иные, особые приемы

исследования в этой области. Обратившись к традиционному для психологии методу самонаблюдения, он выявил существенные черты этого метода (его непосредственный характер, не требующий, по его словам, "вмешательства внешних органов чувств", а также и то, что в нем "субъект познающий сливается с объектом познаваемым"), признал его определенную значимость. Вместе с тем он указал на границы применимости метода самонаблюдения: он пригоден только для изучения сознания и его элементов, а не всей психики в целом. Именно возможность применения этого метода, с его точки зрения, позволяет отделить психологию от биологии. На границе сознания учение о психической системе сливается, полагал он, с общим учением о жизни [2, с.130]. Ограниченность метода самонаблюдения как внутреннего созерцания субъектом содержания своей психической системы, по Богданову, еще и в том, что он пригоден только для изучения относительно завершенных, готовых психических и познавательных форм, но не для исследования их происхождения и развития. Самонаблюдение он отнес к статическим, по его терминологии, методам, предложив дополнить его методом историческим, т.е. изучением познания, сознания, психики в процессе их возникновения и изменения. Исторический подход неизбежно ведет, подчеркивал он неоднократно, во внешнюю по отношению к ним сферу - в сферу бессознательного. Именно в ней, в этой сфере, по его мнению, лежат причины возникновения и существования человеческой психики, а также сознания и познания как ее элементов. Следует не только рассмотреть и "описать" познание, каким оно является самим по себе, нужно также выяснить, каким образом оно возникает из процессов непознавательных, как оно изменяется в зависимости от этих процессов, словом, установить связь познания с тем, что не есть познание [3]. Такой постановкой проблемы Богданов оспаривал очень упорную, по его словам, тенденцию выделения сознания из остальной, живой и неживой, природы как нечто совершенно исключительного. Полное и безусловное их противопоставление ведет к следствиям, имеющим философско-гносеологический смысл: к признанию в конечном счете непроходимой пропасти между внутренним, субъективным, и внешним, объективным, мирами и, говоря словами Богданова, к "безысходному противоречию в познании": если внутренний мир человека, мир его сознания и познания резко отличен от мира внешнего, от природы, если они, внутренний и внешний миры, по самой своей сути противоположны и между ними нет никакой связи, никакого сходства, то, следовательно, внешний мир для обладающего сознанием субъекта принципиально непознаваем. Для того,

чтобы не доходить до такой крайности, Богданов, обосновывая применимость исторического метода для изучения духовных явлений, считал необходимым вписать психику, а вместе с ней сознание и познание, в более общую, а именно природную, систему.

Этот историко-генетический подход Богданов противопоставлял в известном смысле теории познания И.Канта, полагая, что в последней преобладает узко описательная точка зрения: познание в ней берется как нечто данное, уже сложившееся, более того, как познание определенной эпохи в завершенном виде, но не как познание в его историческом развитии. Отчетливая установка Богданова на преодоление такого, недостаточного по его мнению, подхода, с одной стороны, и на разработку историко-эволюционного метода осмысления человеческого познания, с другой, вызвала в свое время резкую критику Бердяева, который главное внимание обратил на взаимоотношение взглядов на познание Богданова и Канта [1].

Важно, что в полемике Богданова и Бердяева едва ли не главное место занял вопрос о специфике самой теории познания, о специфике не только ее метода, но и объекта.

Первое возражение Бердяева заключалось в том, что если строго придерживаться духа кантовской философии, его теории познания, то историческое исследование познавательных явлений - это дело не гносеологии, а научной психологии и философской онтологии. Он считал, что историческая и гносеологическая точки зрения вращаются в разных плоскостях и "не встречаются друг с другом" [1, с.840]. Бердяев полагал, что Богданов подменял гносеологическую точку зрения психологической и что ограничение им теории познания историческим подходом свидетельствует о его крайне недостаточных философских знаниях. Эволюционно-историческое направление в теории познания Бердяев считал не то что неверным, а просто невозможным, поскольку такой подход не позволяет дать никакого ответа на главный, по его мнению, гносеологический вопрос: о ценности познания и о его отношении к бытию. Он полагал, что Богданов как сторонник эволюционно-исторического подхода к познанию обнаружил поразительное непонимание специфики именно философско-гносеологического осмысления человеческого познания. В своей критике Бердяев исходил, разумеется, из узкого понимания предмета и задач гносеологии, действительно имевшего место в кантианстве. "Гносеология, - уточнял он в этой связи, - исследует вопрос о составе и ценности познания, об общеобязательности его основ. Гносеологические споры ведутся по вопросу об отношении мышления к бытию" [1, с.840].

Очевидно, что при таком понимании гносеологии, ее предмета выведение эволюционно-исторического подхода за ее пределы будет оправданным. Однако именно отсутствие такого подхода и ограничивало кантовскую и другие теории познания классической европейской философии, носивших на протяжении столетий не только не исторический, но и умозрительный характер. Оформление частных, в том числе и совокупности естественных, наук и использование результатов их развития для осмысления человеческого познания способствовали преодолению неисторичности и умозрительности классической гносеологии.

Теория познания в широком смысле слова включает в себя не только установление природы и ценности (истинности, достоверности) результатов человеческого познания, но и выяснение происхождения способности к познавательной деятельности. Исследование происхождения этой способности, поиск ее корней в самом познаваемом, внешнем для человека природном мире и есть в то же самое время поиск оснований тождественности субъективного и объективного, поиск оснований для признания ценности и значимости как самого познания, так и его продуктов. Ибо, только имея какие-то соприкасающиеся с внешним, физическим миром и миром живого стороны, познание может обрести некую адекватность этим мирам. Таким образом, Бердяев, считая исторический подход к познанию нефилософским, не учел, как представляется, того, что исторический подход по меньшей мере не противоречит философско-гносеологическому подходу в кантовском смысле и дополняет последний.

Итак, вопреки критике Бердяева, Богданов адекватным для исследования психики, сознания, познания считал исторический метод, которому, по его мнению, "должно принадлежать решительное преобладание и верховный контроль над самонаблюдением" [2, с.131]. Искомый метод, полагал он, должен быть "общей точкой зрения", "всеобщим", "единым", т.е. позволяющим сводить все многообразие явлений - духовных и природных - к единству, а всю их сложность - к определенно-простым отношениям. Сферой поисков такого рода метода он считал другие науки, обладающие, по его мнению, более разработанными методами, чем наука о познании. Свое методологическое, позитивистско-ориентированное устремление он выразил следующим образом: "Историческая наука о познании вправе искать для себя общего метода в других, более сложившихся, более точных науках, среди их последних обобщений, их высших законов" [3, с.3]. Именно естественные науки, по его мнению, обладают таким методом, который

в силу своей общности может быть положен в основу исследования психики, сознания, познания.

Принципиальную установку Богданова на выработку именно единого метода осмысления познания на основе естественно-научных понятий подверг критике опять-таки Бердяев, который считал неудовлетворительной саму идею существования "всеобщего метода". Он считал невозможным создание учения о познании путем одной лишь интеграции естественно-научных представлений на какой-либо общенаучной основе и интерпретации этих представлений. Монизм, к которому стремился Богданов, по мнению Бердяева, не может быть достигнут, поскольку "в науке господствует не монизм, а плюрализм. Построение миропонимания на почве чисто "научного синтеза", создание единой науки о мире, есть невозможная и вредная утопия, поощряющая попытки, которые не имеют ни научного, ни философского значения" [1, с.848]. В ответ Богданов обратил внимание своего оппонента на характерную тенденцию развития естественных наук: разобщенные 200-300 лет назад, они постепенно объединяются, главным образом, на основе все более широкого применения математических методов. Остается добавить в этой связи, что интегративная тенденция значительно усиливается по мере развития науки.

Но дело, с точки зрения Бердяева, не только в плюралистичности самой действительности и изучающих ее наук, не только в принципиальной невозможности выработки единого метода, обобщенной естественно-научной картины природы и познания, дело еще и в том, что "миропонимание возможно только на почве метафизического синтеза и требует сверхнаучного творчества" [1, с.848].

Критикуя одностороннюю и недостаточную с философской точки зрения ориентацию Богданова на естествознание, причем именно на механическое естествознание, сам Бердяев вместе с тем не избежал другой крайности - преувеличения роли абстрактно-философского подхода, причем в его идеалистической форме.Он явно формулировал идеалистическое понимание мира и его познания, когда утверждал, что "мир есть дух", который раскрывает свою природу не в простом механическом движении, а в сложности духовных переживаний человека, что материальный ряд внешнего мира - это символические знаки истинной духовной реальности и т.п. Исходя из этого, он говорил, что "с научной точки зрения столь же нелепо объяснять психические и социальные явления физическими и химическими, как и наоборот..." [1, с.849].

Считая пороками теории познания, предложенной Богдановым, исключительное увлечение естествознанием (особенно биологией), сильный наклон в сторону материализма, полное отсутствие философских навыков мысли, грубое смешение философии и науки, неумение ориентироваться в гносеологических проблемах, пренебрежение естественника к тысячелетней работе философской мысли, манеру упрощать все вопросы, построение пустых натуралистических схем [1, с.839], Бердяев аппелировал к авторитету представителей европейской классической философии, главным образом идеалистов. "Лучшие философские традиции, - писал он, - видят главный материал для решения метафизических проблем в той сложной и совершенной духовной действительности, которая раскрывается нам в психических явлениях, в историческом развитии человечества" [1, с.849]. Радикальная критика позитивистско-ориентированного подхода Богданова к познанию была доведена Бердяевым не только до утверждения необходимости философского осмысления познания, но и до утверждения необходимости синтеза философии и религии (вместо науки): "Только настоящие философы, представители целого, могут постигать все части мира, все краски и оттенки, а на вершине творчества работа их соединяется с религией" [1, с.849].

Оба участника дискуссии - и Богданов, и Бердяев - пытались решить, как видим, сложную проблему специфики "познания самого познания". Именно сложность проблемы обусловила полярные точки зрения на самую сущность теории познания, на ее метод. Бесспорно, что, с одной стороны, притязания представителей естествознания на какие-то особые права в исследовании явлений познания, а тем более на "методологическое господство" не обоснованы. Естественные науки не могут иметь и не имеют реально никаких преимуществ перед остальными науками во всех отношениях, в том числе и в степени научности. В этом смысле критика взглядов Богданова Бердяевым представляется оправданной. Но, с другой стороны, теория познания не может быть сведена только к узко понятой философии познания, как это делалось вплоть до XIX в., да и самим Бердяевым. Теория познания, чтобы иметь право претендовать на всестороннее и сколько-нибудь адекватное осмысление человеческого познания (сознания, психики), должна быть многоуровневой, междисциплинарной. Философский и научный синтезы - это лишь различные уровни отображения такого многомерного явления, каким является человеческое познание. Отрицание этой многоуровневости, отрицание в том числе естественно-научного подхода к познанию, как это делал Бердяев, не обосновано. Отождествлять предложенный

Богдановым исторический подход к познанию только с естественно-научными методами неправомерно, потому что он может быть рассмотрен и в качестве философского метода.

Итак, стремление Богданова исследовать методологию познания самого человеческого познания (а вместе с ним - сознания и психики) и создать тем самым основу и предпосылки осмысления природных граней познавательной деятельности человека, вопреки мнению Бердяева, было не просто правомерным, но и необходимым. Более того, развитие современной теории познания, ее различных модификаций (например, эволюционной теории познания) показывает, что анализ методологических проблем гносеологии актуален и в настоящее время. Особую значимость приобретает решение проблемы соотношения естественно-научного и философского подходов к познанию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Бердяев Н.А.* Заметки о книге Богданова "Познание с исторической точки зрения"//Вопросы философии и психологии. 1902. Т.64.

2. *Богданов А.А.* Основные элементы исторического взгляда на природу. СПб, 1899.

3. *Богданов А.А.* Познание с исторической точки зрения. СПб, 1901.

4. *Богданов А.А.* К вопросу о новейших философских течениях. Ответ Бердяеву//Вопросы философии и психологии. 1902. Т.65.

5. *Богданов А.А.* Эмпириомонизм. М., 1904-1905. Кн. 1, 2.

6. *Богданов А.А.* Из психологии общества: Статьи 1901-1904. СПб, 1904.